

*Азизова А.Н., студент
4 курс, факультет востоковедения
Дагестанский государственный университет
Россия, г. Махачкала*

КУРДСКОЕ ВОССТАНИЕ 1979 ГОДА В ИРАНЕ

***Аннотация:** эта статья отражает конфликтные взаимодействия между курдами и Тегераном в течение короткого послереволюционного периода и проливает свет на некоторые из основных действий курдского гражданского общества, проведенных с целью мирного утверждения политической и культурной автономии и сопротивления попыткам нового правительства установить авторитарное правление. В этой статье утверждается, что продолжающийся курдский вопрос в Иране является главным образом продуктом конфликта между курдами и Тегераном в послереволюционную эпоху(1978-1979).*

***Ключевые слова:** Иран, революция, Исламская Республика, курды, восстание, автономия, политические партии.*

***Annotation:** This article reflects the conflicting interactions between Kurds and Tehran during the short post-revolutionary period and sheds light on some of the main actions of Kurdish civil society carried out to peacefully assert political and cultural autonomy and resist the attempts of the new government to establish authoritarian rule. This article argues that the ongoing Kurdish issue in Iran is mainly a product of the conflict between Kurds and Tehran in the post-revolutionary era.*

***Key words:** Iran, revolution, Islamic Republic, Kurds, uprising, autonomy, political parties.*

С падением династии Пехлеви в 1979 году Иран стал полем битвы различных групп и сообществ с конкурирующими интересами. Такая ситуация создавала уникальную возможность для возникновения разнообразных движений по всей стране. Исследование революционной эпохи и ее влияния на национальные идентичности неперсидских национальных сообществ (таких как курды, арабы, туркмены, белуджи и т.д.) через призму критической теории показывает, что эта эпоха предоставила субальтернальным группам возможность проявить свою сильную оппозицию к десятилетиями проводимому режиму Пехлеви -политике изоляции и социально-политических лишений по отношению к своим общинам.

Эти субальтернальные национальные группы выдвинули свои требования о своей политической и культурной автономии после распада династии Пехлеви. Как писала одна иранская газета в 1979 году, «революция разбудила угнетенный народ региона».

Революция рассматривалась неперсидскими национальными общинами как возможность для мобилизации на свои обиды и выражая свои требования автономии. Народ Хузестана на юго-западе, Курдистана на Западе и северо-западе и туркменской Сахры на северо-востоке переживал революцию принципиально иначе, чем доминирующая персидская община. Их притязания на общественно-политическую и культурную автономию быстро поставили население этих регионов в оппозицию временному революционному правительству в Тегеране. Стремительная активизация политической деятельности среди этих субальтернальных сообществ явилась серьезным вызовом авторитету правящей элиты в Тегеране

Исламский режим, характеризующийся авторитарными тенденциями аятоллы Хомейни, вскоре устранил всякое пространство для политической активности своих противников и положил начало постреволюционному состоянию террора.

Что касается курдского народа и его освободительного движения, то, как уже говорилось выше, революция предоставила курдскому движению большие возможности. Невиданными с момента падения Республики Курдистан в конце 1946 года способами, движению удалось мобилизовать массы курдского общества. Революция обеспечила иранскому курдскому движению каркасные структуры, основанные на новых пространственных, политических и ресурсных возможностях. Тем не менее, следует упомянуть, что, утверждая, что, Курдское автономное движение в послереволюционном Иране не просто вспыхнуло в одночасье: социально-политическое развитие и события, произошедшие в годы между Мехабадской Республикой и революцией, оставили след, который впоследствии проявился в отношении курдов к послереволюционному правительству.

Курдская демократическая партия Ирана (KDPI, также известный как ДПИК), установленная в Мехабаде в 1945 году и до сегодняшнего дня самая крупная политическая и военная иранская курдская организация, предприняла несколько попыток реанимировать свою политическую и вооруженную борьбу в течение десятилетий после распада Республики. Его усилия были пресечены государственными репрессиями. Революционный Комитет КДПИ из семи членов во главе с Исмаилом Шарифзаде был объявлен летом 1966 года близ Алане, деревни Сардашт. Попытка Революционного Комитета организовать активную политическую и вооруженную борьбу внутри иранского Курдистана в конце 1960-х годов была одним из наиболее примечательных политических событий этого периода. В 1967-1968 годах районы Иранского Курдистана, такие как Саккез, Банех, Сардашт, Бокан и Пираншар, были сценой политической деятельности, инициированной Шарифзаде и его товарищами. Тем не менее, революционный комитет оставался изолированным, с небольшой народной поддержкой и без безопасного убежища, из которого можно было бы направлять свою деятельность. Через 18 месяцев комитет прекратил свою деятельность в 1968

году после того, как многие его члены, в том числе Шарифзаде, были окружены и убиты иранской армией в деревне близ Банеха. Другие члены революционного комитета погибли в других инцидентах. Потеряв лидерство, комитет полностью исчез.

Несмотря на короткую жизнь комитета и его неспособность создать активное движение, он был самым политически значимым и влиятельным явлением в Иранском Курдистане в конце 1960-х годов. После поражения комитета, политически активные курдские интеллектуалы продолжали попытки демобилизовать движение путем создания подпольных ячеек внутри Курдистана. Одновременно с 1950-х по начало 1970-х годов в курдском обществе происходил процесс политизации национальной и культурной идентичности. Это было продемонстрировано ростом классового сознания, особенно среди безземельных крестьян, и спорадическим возникновением крестьянских восстаний по всему Курдистану.

С возвращением лидеров и членов КДПИ в месяцы, предшествовавшие революции, и новым этапом мобилизации движения КДПИ в тесном взаимодействии с гражданским обществом, три десятилетия изгнания закончились. Первым крупным событием после возвращения руководства КДПИ из изгнания стало большое совещание в Мехабаде, состоявшееся 1 марта 1979 года. Во время этой встречи лидер КДПИ Абдул Рахман Гассемлу объявил об официальной деятельности КДПИ после десятилетий подпольной и эмигрантской деятельности. В присутствии иранских и международных журналистов он подчеркнул, что «свобода и демократия в Иране, без предоставления свободы и демократии курдскому народу, не будут достигнуты. Но с другой стороны, курдская борьба не получит никаких достижений без свободы в Иране».

Кроме того, после объявления официальной деятельности общества революционных тружеников Иранского Курдистана (Komeley Şorşgêrî Zêhmetkêşanî Kurdistanî Êran, известного как Komala) 15 февраля 1979 года

иранское курдское движение пережило первую крупную диверсификацию среди своих действующих лиц и организаций. Комала вполне подходила к курдской политике и обществу в отличие от КПИ, которая до сих пор была единственной курдской политической партией в Иране. Постреволюционное курдское движение переосмыслило себя с принятием ненасильственных кампаний коллективного сопротивления и гражданского неповиновения, в которых участвовали различные слои курдского общества. Эти действия были направлены как на то, чтобы бросить вызов попыткам нового режима на укрепление своей власти и убеждение режима признать избранные городские советы (Шорай шар), которые были сформированы в разных курдских городах. Создание шоры (совета) стало первым шагом на пути к созданию альтернативной демократической системы правления путем наделения местных представителей курдского народа полномочиями управлять делами своих городов и районов. Высокий уровень сотрудничества между различными членами, с различными идеологиями, обеспечил советам статус уникальной модели муниципалитета.

Однако отношения между курдским движением и режимом после революции были сложными и привели к четырем десятилетиям конфликта. Повторяя репрессивную политику Пехлеви, подход Исламского правительства к национальным вопросам в Иране усилил недовольство и разочарование среди иранских неперсидских и нешиитских национальных и религиозных общин. Подняв претензии на автономию (ходмохтари), курдское движение встретило резкую реакцию со стороны Хомейни и его окружения, движение было названо контрреволюционным заговором, спонсируемым иностранными державами. Всего через месяц после падения шаха, из-за военного подхода нового режима, Курдистан стал зоной военных действий. Фотографии, сопровождающие газетные репортажи из Курдистана, показывали изображения баррикад, пулеметов, машин скорой помощи, раненых и безжизненных тел. Многие расстрелы совершала национальная

армия (Артеш). Как отметил в Тегеране Мусаввар, «тысячи минометов, звуковых бомб и разбитых окон были новогодним подарком иранской армии курдскому народу».

Формулировка курдского движения как, прежде всего оборонительного движения требует признания того, что вооруженное восстание было навязано курдам, у которых не было других вариантов из-за позиции правительства. Это в свою очередь нашло отражение в формулировке курдским руководством своих требований, и в действиях курдского движения. Как заявил Шейх Эзедин Хоссейни, «война в Курдистане была инициирована правительством, и пока оно нападало на нас, то, что мы делали, было вопросом самообороны. Народ, который претендует [на самоопределение] и является меньшинством, никогда не будет заинтересован в войне, потому что он знает, что его противник [в военном отношении] сильнее их».

Иранские курды рассматривали смену режима как непревзойденную возможность приблизиться на шаг к своей мечте о самоопределении. Как подчеркнул Энтессар: «После многих лет подавления шахским режимом, было естественно, что курды с энтузиазмом поддержат иранскую революцию 1978-1979 годов. На самом деле, курдское население с самого начала участвовало в революционном процессе». При таком подходе к смене режима во время и после революции курды мобилизовали свои акты самоуправления.

Представители курдского гражданского общества, низовых организаций и политических партий, избрав своих членов в Шорай-шар, инициировали первый акт политического самоуправления. Создание низовых организаций и союзов, таких как Союз безработных в Бане, Союз учителей в Мариване, союз пекарей в Саккезе и Центр возрождения курдской культуры в Саккезе, продемонстрировало приверженность гражданских лиц к переменам в постреволюционном Курдистане посредством мирных, основанных на общинах, решений. Эти события были результатом новых обстоятельств, последовавших за сменой режима. Появление новых возможностей, в

сочетании с растущей политизацией курдского общества, придало революции в Курдистане ее особые черты. Во время Революции были созданы общественные организации. Демократические организации Курдистана, Женский комитет Маривана, Союз студентов, Союз безработных рабочих и общество воинствующих женщин Саккеза являются другими примерами созданных союзов и организаций, сотрудничающих в решении различных проблем курдского общества. Например, целью воинствующих женщин Саккеза была ликвидация гендерного неравенства и эксплуатация женщин от мужчин, улучшение благосостояния и условий труда курдских женщин.

Действия курдского гражданского общества привлекли внимание иранского интеллектуала Шокроллаха Пакнеджада до такой степени, что он заявил: «Я чувствую, что сердце иранской революции бьется в Курдистане, потому что Курдистан стал оплотом и портом демократии в Иране». Курдистан взял на себя инициативу в крупномасштабных коллективных ненасильственных действиях. Одним из примеров была эвакуация города Мариван, которая стала известна как исторический исход из Маривана (Koçî Mêjÿüî Marîwan), Курды сформулировали свои требования к Курдистану в рамках новой иранской политической системы вокруг концепции ходмохтари (автономии) для Курдистана и демократии и светскости для Ирана. Как подчеркнул шейх Эззедин Хоссейни: «В эту эпоху нам нужно правительство, способное слушать народ. Если новый режим игнорирует эту необходимость, новая система хефекана (удушения) будет доминировать в стране».

Ненасильственное движение курдского гражданского общества столкнулось с бескомпромиссным ответом со стороны нового режима. В то время как исламское правительство вскоре после своего создания преуспело в установлении своего контроля над большей частью страны, Курдистан был исключением. Там режим боролся за укрепление своей власти; контроль над ситуацией в Курдистане стал стратегической и символической задачей. Последствия для авторитета режима в других частях Ирана. Страх того, что

Курдистан превратится в источник вдохновения и безопасное убежище для других оппозиционных групп, побуждал режим действовать немедленно и агрессивно. В течение нескольких недель и месяцев после революции Курдистан сотрясали события, подобные которым не наблюдались в других частях страны.

В то время как после революции Хомейни стал фигурой для многих иранских революционеров в Тегеране, такая поддержка отсутствовала в Курдистане, и, несмотря на воодушевляющие обещания, его популистский дискурс не завоевал поддержки курдов. Целью Хомейни было создание новой политической системы, несовместимой с требованиями курдов. Шейх Эззедин Хоссейни, реагируя на авторитарный подход Хомейни, заявил: «народ не нуждается в опекуне». С самого начала революционного процесса было мало совпадений между причинами участия курдов в революции и целями Хомейни и его сторонников. По словам Сейеди (2018), «курды действительно присоединились к революции, но не поддержали исламскую альтернативу монархии. Для курдов национальные и классовые вопросы были главными мотивами для присоединения к революции».

В процессе борьбы за восстановление государственного контроля в курдских регионах погибло более 10 000 курдов. В результате, Иран восстановил контроль над Иранским Курдистаном. Фактически, после четырех десятилетий создания Исламской Республики в Иране, несмотря на несколько мирных инициатив лидеров иранского курдского движения, в силу неизменного характера и отношения Исламской Республики, в настоящее время отношение курдов к правительству в Тегеране является более напряженным, чем когда-либо, поскольку, с одной стороны, курдская социально-политическая и экономическая изоляция достигла невиданного уровня с момента создания Исламской Республики, а с другой стороны, иранское правительство рассматривает курдское общество/движение (в силу их высокого уровня политизации и способности к мобилизации коллективных

действий) как элементы угрозы политической и территориальной целостности Ирана.

Библиография:

1. Steven R. Ward. *Immortal: A Military History of Iran and its Armed Forces.* — Georgetown University Press, 2009.
2. *The Soviet-American Competition in the Middle East* / ed. by Steven L. Spiegel, Mark A. Heller, Jacob Goldberg. - Lexington. D. C. Health and Company, 1988. - 392 p.
3. Филиппов, А. Тегеран-79. Аятолла и крах шахского режима. Мемуары / А. Филиппов // *Родина.* - 2001. - №> 5. - С. 127-132.